

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
15 May 2024
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Соображения, принятые Комитетом в соответствии
с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола
относительно сообщения № 3011/2017** *** ******

<i>Сообщение представлено:</i>	А. К. (представлен адвокатом Мандиваварирой Мудариквой, организация «Международная амнистия»)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Мохамед Набил
<i>Государство-участник:</i>	Мальдивские Острова
<i>Дата сообщения:</i>	24 июля 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решения, принятые в соответствии с правилами 92 и 94 правил процедуры Комитета и препровожденные государству-участнику 24 июля 2017 года (в виде документа не издавались)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	18 марта 2024 года
<i>Тема сообщения:</i>	произвольное лишение жизни
<i>Процедурный вопрос:</i>	степень обоснованности утверждений
<i>Вопросы существа:</i>	смертная казнь; пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание; право на справедливое судебное разбирательство
<i>Статьи Пакта:</i>	пункты 1, 4 и 6 статьи 6, статья 7 и пункт 3 статьи 14
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	2

* Переиздано по техническим причинам 4 июня 2024 года.

** Приняты Комитетом на его сто сороковой сессии (4–28 марта 2024 года).

*** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Родриго А. Карасо, Ивонна Дондерс, Махджуб эль-Хайба, Карлос Гомес Мартинес, Лоренс Р. Хелфер, Марсия В. Дж. Кран, Бакр Вали Ндиай, Эрнан Кесада Кабрера, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чан Рок Со, Тяня Шурлан, Кобойя Чамджа Кпача, Тэрая Кодзи, Элен Тигруджа и Имэру Тэмэрэт Йыгэзу.

**** Совместное мнение членов Комитета Жозе Мануэла Сантуша Паиша, Карлоса Гомеса Мартинеса, Кобойи Чамджи Кпачи и Тэрай Кодзи (частично несогласное) приводится в приложении к настоящим Соображениям.

1.1 Автор сообщения является А. К. Он представляет сообщение от имени своего брата, Мохамеда Набиля, гражданина Мальдивских Островов 1987 года рождения, который в настоящее время содержится в тюрьме, будучи приговоренным к смертной казни. Приговор был подтвержден Верховным судом Мальдивских Островов 27 июля 2016 года. Автор утверждает о нарушении прав его брата в соответствии с пунктом 1 статьи 6, рассматриваемым отдельно и в совокупности со статьей 14, пунктом 4 статьи 6, пунктом 6 статьи 6, рассматриваемым в совокупности со статьей 7, и статьей 14, рассматриваемой в совокупности со статьей 7 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 19 декабря 2006 года. Автор представлен адвокатом.

1.2 24 июля 2017 года в соответствии с правилом 94 своих правил процедуры Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, просил государство-участник обеспечить, чтобы смертный приговор в отношении предполагаемой жертвы не был приведен в исполнение, пока его дело находится на рассмотрении Комитета.

Факты в изложении автора

2.1 10 марта 2009 года предполагаемая жертва была задержана в связи с убийством. 8 апреля 2009 года в ходе полицейского расследования он дал признательные показания.

2.2 8 декабря 2009 года дело было передано в Уголовный суд. 22 ноября 2010 года предполагаемая жертва была осуждена Уголовным судом по обвинению в «умышленном убийстве» и приговорена к смертной казни.

2.3 Предполагаемая жертва обжаловала решение Уголовного суда в Высоком суде Мальдивских Островов. 25 ноября 2015 года Высокий суд оставил в силе обвинительный приговор и назначенное наказание в виде смертной казни. Это решение было оставлено в силе окончательным решением Верховного суда 27 июля 2016 года¹. Автор отмечает, что на момент подачи им жалобы не был инициирован процесс посредничества между предполагаемой жертвой и семьей жертвы убийства, что предусмотрено внутренним законодательством. Однако он утверждает, что в соответствии с правовой практикой Комитета такие процедуры помилования считаются чрезвычайным средством правовой защиты и не являются эффективным средством правовой защиты для целей подпункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола².

2.4 Автор утверждает, что существуют серьезные сомнения в справедливости судебного разбирательства и других процедур, в ходе которых предполагаемая жертва была осуждена и приговорена к смертной казни, и утверждает, что предполагаемая жертва дала показания полиции в отсутствие помощи со стороны законного представителя. Позже он отказался от показаний на суде, заявив, что дал их из-за страха; тем не менее это заявление было принято во внимание судом и использовано для вынесения обвинительного приговора. Сестра предполагаемой жертвы,

¹ Автор отмечает, что последняя казнь, приведенная в исполнение на Мальдивских Островах, произошла в 1953 году. Однако в 2014 году тогдашнее правительство объявило о возобновлении казней, и были введены правила исполнения смертных приговоров. В 2017 году автор получил достоверные сообщения о том, что казни могут состояться в ближайшее время начиная с 21 июля 2017 года. Предполагаемая жертва была отнесена к числу подвергающихся особому риску заключенных, ожидающих приведения в исполнение смертного приговора. В своих замечаниях по жалобе государство-участник отмечает заявления, сделанные предыдущей администрацией, но заявляет, что эти заявления не следует относить к нынешнему правительству, которое привержено соблюдению моратория на смертную казнь.

² *Налларатнам против Шри-Ланки* (CCPR/C/81/D/1033/2001), п. 6.4; *Чисанга против Замбии* (CCPR/C/85/D/1132/2002), п. 6.3. *Ковалева и др. против Беларуси* (CCPR/C/106/D/2120/2011), п. 10.4; и *Халилов против Таджикистана* (CCPR/C/83/D/973/2001), п. 7.6.

проходившая по делу в качестве свидетеля, также отказалась от своих прежних показаний против предполагаемой жертвы, но суд не принял это во внимание.

Содержание жалобы

3.1 Автор заявляет о нарушении прав предполагаемой жертвы по пункту 1 статьи 6, рассматриваемой в совокупности со статьей 14 Пакта, и утверждает, что вынесение смертного приговора по завершении судебного разбирательства, в ходе которого не были соблюдены положения статьи 14, также представляет собой нарушение права на жизнь.

3.2 Автор также утверждает о нарушении прав предполагаемой жертвы в соответствии с пунктом 4 статьи 6 Пакта. Он отмечает, что до 2014 года президент Мальдивских Островов имел полномочие заменять смертные приговоры более мягким наказанием в соответствии со статьями 5 (1) и 21 Закона о помиловании (№ 2/2010). Однако 27 апреля 2014 года вступило в силу Постановление № R-33/2014 о порядке расследования преступления совершения международного убийства, и исполнения приговора, которое вместе с решением Высокого суда от 29 ноября 2015 года по связанному с ним судебному делу³ привело к лишению президента полномочий по помилованию в случаях умышленного убийства и передало их семье жертвы. В результате этого лица, которые в государстве-участнике приговорены к смертной казни за умышленное убийство, такие как предполагаемая жертва, лишены возможности осуществить свое право просить о помиловании или смягчении приговора в нарушение пункта 4 статьи 6 Пакта. Автор утверждает, что система, введенная в соответствии с Постановлением № R-33/2014, приводит к произвольному применению права на помилование. В Постановлении не указываются основания, по которым Верховный суд может отказать в смягчении смертного приговора, если семья жертвы решит помиловать виновного. Постановление также ставит смягчение смертного приговора в зависимость от таких факторов, как социально-экономическое положение семьи осужденного, т. е. внешних по отношению к его/ее личным обстоятельствам или обстоятельствам преступления факторов⁴. Автор также утверждает, что эта система является дискриминационной по типу совершенного преступления, не содержит процессуальных указаний относительно сроков проведения переговоров и не является прозрачной в отношении назначения посредников Министерством по делам ислама.

3.3 Автор утверждает о нарушении прав предполагаемой жертвы в соответствии с пунктом 6 статьи 6, рассматриваемым в совокупности со статьей 7 Пакта. Он утверждает, что решение, принятое на момент подачи его жалобы, возобновить приведение в исполнение смертных приговоров в государстве-участнике после десятилетий отсутствия казней, не соответствует пункту 6 статьи 6 Пакта, в котором в качестве цели для государств — участников Пакта определена желательность отмены смертной казни⁵. Он утверждает, что тот факт, что государство-участник в течение шести десятилетий проводило политику отказа от приведения в исполнение смертных приговоров, создал законное ожидание того, что казни больше не будут приводиться в исполнение. Автор также утверждает, что неоднократные заявления властей и изменения в законодательстве, направленные на возобновление казней, в сочетании с отсутствием прозрачности в отношении сроков запланированных казней, причинили предполагаемой жертве и его семье огромные страдания в нарушение их прав по статье 7 Пакта⁶.

3.4 Автор утверждает о нарушении прав предполагаемой жертвы в соответствии со статьей 14, рассматриваемой в совокупности со статьей 7 Пакта. Он утверждает, что существуют серьезные сомнения в справедливости судебного разбирательства и других процедур, в ходе которых были вынесены и подтверждены обвинительный и

³ Решение 2012/НС-DM-08 от 29 ноября 2015 года.

⁴ Автор ссылается на [A/HRC/8/3](#), пп. 59–67.

⁵ *Налларатнам против Шри-Ланки*, п. 6.4; *Чисанга против Замбии*, п. 6.3; *Ковалева и др. против Беларуси*, п. 10.4; и *Халилова против Таджикистана*, п. 7.6.

⁶ Автор ссылается на документ [A/69/265](#), пп. 105 и 106.

смертный приговоры предполагаемой жертве, и утверждает, что предполагаемая жертва дала признательные показания полиции в обстоятельствах, которые могли бы быть приравнены к жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Несмотря на просьбу предполагаемой жертвы о предоставлении адвоката, она не пользовалась помощью юридического представителя во время полицейского допроса и «призналась» в совершении преступления, а затем отказалась от своих показаний на суде, заявив, что подписала заявление, не прочитав его внимательно, потому что испытывала страх, что вызывает обеспокоенность в соответствии со статьей 7 Пакта. Тем не менее это заявление было принято во внимание судами и использовано для вынесения обвинительного приговора. Аналогичным образом, отказ от своих показаний сестры предполагаемой жертвы (п. 2.4) не был принят во внимание судом, который сослался на видеозапись ее допроса в полицейском участке в качестве доказательства. Автор отмечает, что в соответствии со статьей 7 и пунктом 3 статьи 14 Пакта заявления, полученные в результате пыток или других видов жестокого обращения, должны быть исключены в качестве доказательств в уголовном процессе⁷.

3.5 Автор просит Комитет рекомендовать государству-участнику обеспечить предполагаемой жертве пересмотр дела в полном соответствии с положениями Пакта о справедливом судебном разбирательстве и не прибегать к смертной казни, восстановить процедуры помилования, которые должны быть справедливыми и прозрачными, обеспечить, чтобы до отмены смертной казни все лица, приговоренные к смертной казни, могли воспользоваться своим правом на помилование или смягчение смертного приговора, приостановить исполнение всех смертных приговоров и предоставить лицам, находящимся в аналогичных с предполагаемой жертвой обстоятельствах, возможность и средства для обращения в Комитет с просьбой о принятии временных мер.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 15 июля 2019 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Оно утверждает, что эти жалобы должны быть признаны неприемлемыми как недостаточно обоснованные.

4.2 Государство-участник отмечает, что предполагаемая жертва была задержана в марте 2009 года по подозрению в участии в драке между бандами. Во время драки он избивал жертву убийства и бросил в нее нож длиной около 6 дюймов, который вонзился в спину жертвы, перерезав крупные артерии и вызвав коллапс легкого, в результате чего жертва скончалась в больнице 9 марта 2009 года.

4.3 Государство-участник утверждает, что в момент задержания предполагаемая жертва была проинформирована о своих правах, предусмотренных Конституцией, о причине задержания, о том, куда ее доставят, и о том, что она имеет право хранить молчание и право обратиться к адвокату. В день задержания Уголовный суд предъявил ей обвинение в убийстве. 14 марта 2009 года ей были предоставлены все документы, относящиеся к обвинениям. 20 декабря 2009 года состоялось слушание, на котором обвинение было представлено стороной обвинения и опровергнуто предполагаемой жертвой. Во время слушаний предполагаемую жертву представлял адвокат, назначенный им самим. В ходе слушаний было заявлено ходатайство о предоставлении дополнительного времени для подготовки защиты, которое было удовлетворено Уголовным судом. После слушания назначенный адвокат отказался от участия в деле. 12 января 2010 года предполагаемой жертве был назначен новый адвокат для представления ее интересов на следующем слушании, состоявшемся 17 марта 2010 года, а 22 ноября 2010 года судебное разбирательство завершилось.

⁷ Автор отмечает, что статья 52 Конституции прямо гласит: «Никакое признание не может быть принято в качестве доказательства, если оно не сделано в суде обвиняемым, находящимся в здравом уме».

4.4 В ходе слушаний были заслушаны пять свидетелей, а также медицинский эксперт, подтвердивший причину смерти. В целях защиты свидетелей их показания были заслушаны в режиме прямой видеоконференции. Предполагаемая жертва и ее адвокат не возражали против этой меры. У защиты была возможность провести перекрестный допрос свидетелей, однако защита не задала свидетелям никаких вопросов. В ходе слушаний предполагаемая жертва опровергла показания, которые она дала полиции в ходе расследования, назвав страх причиной, по которой она дала признательные показания на стадии следствия. Государство-участник отмечает, что предполагаемая жертва была проинформирована о своем праве на помощь адвоката в ходе расследования. Однако, согласно материалам дела, 8 апреля 2009 года он отказался от этого права и согласился на допрос без присутствия адвоката. 22 ноября 2010 года Уголовный суд признал предполагаемую жертву виновной в умышленном убийстве и приговорил ее к смертной казни на основании статьи 88 d) Уголовного кодекса Мальдивских Островов (Закон № 1/66)⁸. В своей оценке Суд установил, что показания свидетелей, а также показания предполагаемой жертвы в ходе полицейского расследования позволили установить, что смерть жертвы убийства наступила в результате того, что предполагаемая жертва бросила в жертву убийства острый предмет, который нанес ей тяжкие повреждения, приведшие к смерти.

4.5 23 февраля 2011 года предполагаемая жертва обжаловала решение Уголовного суда в Высоком суде Мальдивских Островов. 25 ноября 2015 года Высокий суд оставил в силе приговор Уголовного суда. 21 февраля 2016 года Генеральный прокурор обжаловал это решение в Верховном суде, чтобы подтвердить приговор. Верховный суд подтвердил приговор 27 июля 2016 года и оставил в силе решение Уголовного суда.

4.6 Государство-участник отмечает, что вынесение смертного приговора является произвольным, если оно не имеет правовой основы и не были соблюдены процессуальные положения и гарантии. Смертная казнь может быть назначена только в отношении наиболее тяжких преступлений и таким образом, чтобы это не противоречило статьям 7 и 14 Пакта. В данном случае приговор был вынесен предполагаемой жертве в соответствии с законом, а именно разделами 88 а) и d) действовавшего на тот момент Уголовного кодекса. Оно отмечает, что, хотя в Уголовный кодекс с тех пор были внесены поправки, право назначать наказания, такие как смертная казнь, сохранилось в разделе 1205 Уголовного кодекса.

4.7 Государство-участник принимает к сведению утверждения автора по статьям 6, 7 и 14 (пункт 3) Пакта. Государство-участник утверждает, что претензии автора являются необоснованными, поскольку оно заявляет, что полицейское расследование и судебные слушания по делу предполагаемой жертвы соответствовали внутреннему законодательству, международным стандартам и основным гарантиям, предусмотренным Пактом. Оно утверждает, что неблагоприятные для предполагаемой жертвы выводы национальных судов стали результатом тщательного изучения представленных судам доказательств. Оно заявляет, что, вопреки утверждениям автора, предполагаемой жертве была предоставлена возможность назначить юридического представителя в ходе расследования, от которой он отказался, и отмечает, что его представлял адвокат в ходе судебных слушаний в первой инстанции и в апелляционной инстанции. Оно утверждает, что нет никаких оснований для вывода о том, что предполагаемой жертве был вынесен произвольный приговор.

4.8 Государство-участник отмечает, что, несмотря на его замечания по поводу утверждений автора, с 1954 года в стране действует мораторий на исполнение смертных приговоров. Несмотря на то, что после 1954 года были вынесены приговоры о смертной казни, они не были приведены в исполнение. Оно отмечает, что гордится этим мораторием и обязуется его соблюдать. В то время как внесение поправок и изменений в законы, касающиеся догматов исламского шариата, потребует более широкого консенсуса и общественного диалога, порог для вынесения смертного приговора становится практически недостижимым из-за высокого порога доказательности, необходимого для вынесения такого наказания, поскольку, согласно

⁸ С тех пор Закон № 1/66 был отменен и заменен Законом № 9/2014.

исламскому шариату, вина должна быть установлена вне всяких сомнений, чтобы потребовать вынесения смертного приговора. Исламский шариат также отдает право решающего слова семье жертвы, предоставляя ей возможность простить обвиняемого, даже если компетентные суды уже вынесли ему смертный приговор.

4.9 Государство-участник принимает к сведению утверждение автора о том, что толкование Высоким судом разделов 5 и 21 Закона о помиловании и Постановления № R-33/2014 негативно сказывается на полномочиях, которыми наделен Президент Мальдивских Островов, осуществлять президентское или иное помилование. Оно отмечает, что, согласно Закону о помиловании, Президент имеет дискреционное полномочие смягчить приговор осужденному лицу с учетом его возраста, состояния здоровья и личных обстоятельств, а также по гуманитарным соображениям. 8 августа 2012 года конституционность разделов 5 и 21 Закона о помиловании была оспорена в Высоком суде на том основании, что помилование или смягчение приговора лицу, осужденному за умышленное убийство, противоречит принципам исламского шариата. В этой связи государство-участник отмечает, что, согласно статье 10 b) Конституции, в государстве-участнике не может быть принят закон, противоречащий какому-либо догмату ислама. Хотя Высокий суд не отменил и не признал неконституционными разделы 5 и 21, поскольку это могло бы повлиять на смертные приговоры, вынесенные в других случаях, кроме умышленного убийства, Суд постановил, что, исходя из принципов исламского шариата, право на помилование принадлежит семье жертвы, а не исполнительной власти. Однако государство-участник утверждает, что в данном случае его национальные суды провели свободное и справедливое судебное разбирательство, и пожелания семьи жертвы убийства не были единственным фактором при принятии решения о вынесении смертного приговора предполагаемой жертве.

4.10 Государство-участник принимает к сведению утверждения автора в соответствии с пунктом 6 статьи 6 Пакта о том, что законодательные изменения, проведенные предыдущей администрацией государства-участника, и заявления, сделанные предыдущим правительством, нарушили законные ожидания предполагаемой жертвы в отношении того, что смертный приговор, вынесенный по его делу, не будет приведен в исполнение, а также его утверждения о том, что страдания, вызванные этими законодательными изменениями и заявлениями, равносильны жестокому обращению в соответствии со статьей 7 Пакта. Государство-участник утверждает, что эти заявления о возобновлении смертной казни следует отнести на счет предыдущей администрации государства-участника и что после президентских выборов 2018 года нынешнее правительство обратило внимание на давно действующий мораторий на смертную казнь и выразило желание сохранить его. Хотя смертная казнь как мера наказания сохраняется во внутреннем законодательстве, судебная реформа и укрепление правовой базы имеют для государства-участника первостепенное значение.

4.11 Что касается утверждений автора по пункту 3 статьи 14, то государство-участник заявляет, что предполагаемая жертва была проинформирована о своих правах по Конституции при задержании, оперативно проинформирована о выдвинутых против нее обвинениях и проинформирована о своем праве требовать представления ее адвокатом в момент задержания. Эта же информация была передана ей в письменном виде в течение 24 часов после задержания. Эти факторы также были учтены Уголовным судом при вынесении решения. Государство-участник повторяет свой аргумент о том, что предполагаемая жертва отказалась от помощи адвоката 8 апреля 2009 года, и свой аргумент о том, что в ходе слушаний предполагаемая жертва была представлена адвокатом. Оно ссылается на свои замечания по фактическому содержанию жалобы и утверждает, что хронология слушаний подтверждает, что предполагаемая жертва имела достаточно времени для подготовки своей защиты и анализа документации и доказательств, представленных властями государства-участника. Поэтому государство-участник утверждает, что требования, предусмотренные статьей 14, были выполнены.

4.12 Государство-участник принимает к сведению утверждения автора о том, что принятие судом во внимание признательных показаний предполагаемой жертвы в ходе

полицейского расследования равносильно нарушению статей 7 и 14 Пакта. Оно также принимает к сведению аргумент автора о том, что Уголовный суд не принял во внимание тот факт, что одна свидетельница отказалась от показаний, которое она дала полиции в ходе расследования, во время судебного слушания. Государство-участник утверждает, что принятие судом во внимание этих показаний соответствовало нормам внутреннего и международного права. Оно отмечает, что, принимая показания предполагаемой жертвы в качестве доказательства, важно отметить, что суд, помимо его показаний, также рассмотрел показания трех свидетелей, присутствовавших при инциденте, отчет медицинского освидетельствования жертвы и видеозаписи полицейских допросов. Оно отмечает, что в соответствии со статьей 52 Конституции никакое признание не может быть принято в качестве доказательства, если оно не сделано в суде обвиняемым, находящимся в здравом уме, что никакие показания не должны быть получены путем принуждения или незаконными средствами и что любые такие показания являются неприемлемыми в суде. В данном случае государство-участник отмечает, что Уголовный суд, признав показания предполагаемой жертвы в полиции приемлемыми, отметил следующее: а) когда предполагаемая жертва была допрошена в отношении показаний, данных в ходе судебного разбирательства, она заявила, что дала эти показания свободно, по собственному усмотрению; б) хотя предполагаемая жертва утверждает, что показания во время следствия были даны под воздействием страха, видеозаписи допроса показывают, что она потратила значительное количество времени на чтение показаний; в) предполагаемая жертва знала о судьбе жертвы убийства, когда давала показания в полиции; д) показания предполагаемой жертвы совпадают с показаниями свидетелей о фактах по делу; и е) предполагаемая жертва не смогла представить разумные основания, по которым она могла бы дать ложные показания в ходе расследования. Поэтому государство-участник утверждает, что заявление о том, что предполагаемая жертва дала показания полиции под принуждением, является необоснованным.

4.13 В связи с утверждением автора о том, что одна свидетельница отказалась от своих показаний, данных полиции в ходе судебного разбирательства, государство-участник отмечает, что, поскольку на момент инцидента указанная свидетельница была несовершеннолетней, при получении ее показаний были соблюдены соответствующие процедуры. При допросе присутствовал ее отец, а показания были записаны на видео. Принимая решение о приобщении ее показаний к делу, уголовный суд отметил следующее: а) данная свидетельница является сестрой предполагаемой жертвы; б) свидетельница прочла показания, прежде чем подписать их, и ее отец признал это в ходе слушаний; в) на видеозаписи показаний свидетельница рассказывает о фактах по делу; д) показания совпали с показаниями других свидетелей; е) показания были получены вскоре после инцидента, и свидетельница знала о судьбе жертвы на момент дачи показаний; ф) отец свидетельницы присутствовал при даче показаний; и е) свидетельница не смогла представить разумные основания, по которым она могла бы дать ложные показания в ходе расследования. В заключение государство-участник отмечает, что приговор Уголовного суда был поддержан в апелляционном порядке и что в апелляции, поданной в Высокий суд, предполагаемая жертва подняла 21 вопрос, касающийся как фактов по делу, так и применения закона. Все поднятые вопросы были рассмотрены Высоким судом в его решении, которое было впоследствии поддержано Верховным судом.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа дела

5.1 В своих представлениях от 21 августа и 3 октября 2022 года автор утверждал, что сообщение является приемлемым.

5.2 Автор приветствует выраженную государством-участником приверженность соблюдению моратория на приведение в исполнение смертных приговоров. Однако он отмечает, что до тех пор, пока смертная казнь не будет полностью отменена законом и все существующие смертные приговоры не будут заменены другими видами наказания, риск причинения непоправимого вреда в результате казни сохраняется для

предполагаемой жертвы, а также для других лиц, приговоренных к смертной казни в государстве-участнике. Он принимает к сведению замечания государства-участника о том, что шаги, предпринятые властями для возобновления приведения в исполнение смертных приговоров, следует отнести на счет предыдущей администрации. Автор утверждает, что, хотя изменение позиции нынешней администрации заслуживает положительной оценки, эти заявления еще больше подчеркивают непостоянный характер не имеющей обязательной силы политики моратория на казни, которая может включать дополнительный элемент произвола, когда казни приводятся в исполнение в результате изменения политики, связанного с внешними событиями, не имеющими отношения к преступлению или конкретному преступнику. В этой связи автор ссылается на замечание общего порядка № 36 (2018) о праве на жизнь⁹.

5.3 Автор отмечает, что, поскольку внутренние средства правовой защиты были исчерпаны и даже если введен мораторий на исполнение смертных приговоров, предполагаемая жертва остается в камере смертников, по-прежнему имея перед собой перспективу казни. Неопределенность и беспокойство, которые приходится испытывать ей и членам ее семьи, представляют собой нарушение их права не подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, гарантированного статьей 7 Пакта¹⁰.

5.4 Автор утверждает, что информация, представленная государством-участником в его замечаниях, не затрагивает проблемы нарушений прав человека, совершенных в отношении предполагаемой жертвы, которые способствовали вынесению смертного приговора и привели к нему, в нарушение пункта 1 статьи 6, рассматриваемого в совокупности со статьями 7 и 14 Пакта. Что касается права на доступ к эффективному юридическому представительству с момента задержания, то в замечаниях государства-участника однозначно указано, что предполагаемая жертва не была представлена адвокатом с момента задержания 10 марта 2009 года до начала уголовного процесса в декабре 2009 года. Этот период включает 8 апреля 2009 года, когда были сделаны признательные показания, от которых она позже отказалась на суде. Автор подчеркивает, что юридическое представительство является важной гарантией от пыток и других видов жестокого обращения, а также от принуждения к признательным или другим самообличительным показаниям. Он принимает к сведению заявление государства-участника о том, что предполагаемая жертва отказалась от своего права быть представленной адвокатом с марта по декабрь 2009 года. Однако он подчеркивает, что в отчете по делу Уголовного суда на основании официальных документов отмечается, что предполагаемая жертва заявила, что хочет иметь адвоката, но в итоге согласилась на допрос без присутствия адвоката 8 апреля 2009 года¹¹. Он утверждает, что в материалах дела нет информации о том, что суды должным образом рассмотрели это утверждение или причины, по которым адвокат не присутствовал на допросе в полиции. Заявления сотрудников полиции, судя по всему, были приняты за чистую монету. Он также утверждает, что необходимо принять во внимание тот факт, что в отчете по делу Уголовного суда также подчеркивается, что предыдущие признательные показания предполагаемой жертвы были даны во время полицейского допроса, без присутствия адвоката, и использованы в качестве основания для продления срока содержания под стражей в полиции после первых 24 часов. Он утверждает, что, хотя государство-участник не ссылается на эти заявления в своих замечаниях, эти предыдущие заявления должны были побудить судебные органы изучить причины отсутствия у предполагаемой жертвы адвоката вплоть до первого слушания в декабре 2009 года и ее последующего отказа от признательных показаний в апреле 2009 года.

⁹ Замечание общего порядка № 36 (2018) о праве на жизнь, п. 50. Автор ссылается на документ A/69/265, пп. 102 и 103.

¹⁰ Замечание общего порядка № 36 (2018), п. 40.

¹¹ Автор ссылается на протокол судебный отчет по делу № 585/Ст-С/2010, с. 18, в котором, как он отмечает, говорится (неофициальный перевод автора): «Несмотря на то, что Набиль заявил, что ему нужен адвокат, следует отметить, что Мохамед Набиль дал свое согласие на проведение допроса без присутствия адвоката и заявил об этом в показаниях 8 апреля 2009 года».

5.5 Автор утверждает, что дополнительную озабоченность вызывает тот факт, что адвокат, впервые назначенный представлять предполагаемую жертву на слушаниях 20 декабря 2009 года, на которых та заявила о своей невиновности, заявил суду, что существуют «небольшие составляющие нападения», которые можно признать. Адвокат отказался от участия в деле сразу после первого слушания, но, тем не менее, суд принял к рассмотрению его заявление, в том числе для того, чтобы отклонить отказ предполагаемой жертвы от своих признательных показаний¹². Автор также подчеркивает, что после того, как первый адвокат отказался от участия в деле, предполагаемая жертва назначила второго адвоката 12 января 2010 года, у которого было менее двух месяцев на подготовку к судебному разбирательству до второго слушания 8 марта 2010 года. Автор утверждает, что два месяца — это недостаточный срок для ознакомления с делом и обеспечения эффективного юридического представительства в суде, рассматривающем дело, предполагающее приговор к смертной казни¹³.

5.6 Автор утверждает, что в отношении приобщения к делу в качестве доказательства признательных показаний предполагаемой жертвы в замечаниях государства-участника не содержится никакой информации, свидетельствующей о том, что ее утверждение о том, что она подписала его из страха, было тщательно изучено судами или другими независимыми органами. Государство-участник отвергает утверждение о том, что признательные показания были сделаны под принуждением, на том основании, что они были записаны на видео полицией, игнорируя возможность того, что признательные показания могли стать результатом жестокого обращения и настойчивых советов со стороны полиции до записи, после того как предполагаемая жертва находилась под стражей в полиции в течение примерно одного месяца без юридического представительства. Он повторяет свой аргумент о том, что, даже если в деле нет утверждений о принуждении, статья 52 Конституции считает неприемлемыми признательные показания, сделанные вне суда. Таким образом, показания предполагаемой жертвы должны были быть исключены из числа доказательств, независимо от любых заявлений о принуждении, и тем более учитывая, что о принуждении было заявлено. Автор утверждает, что в отчете по делу Уголовного суда, как представляется, не говорится о том, что суд проводил какие-либо расследования по заявлению предполагаемой жертвы. Суд признал, что признательные показания не были даны под принуждением, основываясь на анализе видеозаписи и допроса обвиняемого, но не придал значения его заявлению о том, что он подписал признательные показания из страха, и его отказу от содержания показаний. Суд обратился к исламскому праву, чтобы определить обстоятельства, при которых можно отказаться от признательных показаний, сделанных под принуждением, и пришел к выводу, что в случае дела об убийстве это невозможно¹⁴.

5.7 Что касается свидетельских показаний сестры предполагаемой жертвы, от которых она впоследствии отказалась на суде, автор утверждает, что присутствие родственника не гарантирует такого же уровня эффективной юридической помощи, как в случае квалифицированного адвоката, что было бы крайне важно для ключевого свидетеля по делу об убийстве. Он утверждает, что в отчете Уголовного суда указано, что отец свидетельницы заявил на суде, что ему стало известно, что его дочь была допрошена полицией, в том числе без его присутствия, и что он прочитал протокол ее допроса, но не досконально, и поэтому не знал всего, что было написано в этом протоколе. В ответ на информацию государства-участника о том, что показания в полиции были записаны на видео, автор повторяет свой аргумент о том, что, хотя видеозаписи допросов в полиции усиливают гарантии против пыток или других видов жестокого обращения, они не полностью устраняют возможность того, что показания были сделаны в результате принуждения. Он утверждает, что отказ от признательных показаний в суде должен был привести к исключению от признательных показаний из числа доказательств. Он подчеркивает, что после отказа от этих двух показаний

¹² Автор ссылается на отчет по делу Уголовного суда, дело № 585/Сr-C/2010, с. 13.

¹³ Замечание общего порядка № 32 (2017) о равенстве перед судами и трибуналами и праве каждого на справедливое судебное разбирательство, п. 32.

¹⁴ Отчет об уголовном деле, дело № 585/Сr-C/2010, сс. 13 и 18.

доказательства против предполагаемой жертвы состоят в основном из показаний трех других свидетелей. Люди, которым грозит смертная казнь, должны считаться невиновными до тех пор, пока их вина не будет установлена на основе ясных и убедительных доказательств, не оставляющих возможности для иного толкования фактов¹⁵.

5.8 Что касается утверждений по пункту 4 статьи 6 Пакта, то автор заявляет, что замечания государства-участника ясно показывают, что разделы 5 и 21 Закона о помиловании остаются применимой процедурой в случаях преступлений, не связанных с умышленным убийством, и что в случае умышленного убийства полномочия на помилование возлагаются на семью жертвы убийства, что противоречит практике Комитета¹⁶.

5.9 Автор утверждает, что дополнительную озабоченность вызывает тот факт, что в соответствии с Постановлением № 2014/R-33 наказание за умышленное убийство предусматривает обязательное вынесение смертного приговора, что является нарушением прав, гарантированных статьями 6 (пункт 1), 7 и 26 Пакта. Это связано с тем, что обязательная смертная казнь не дает возможности учесть личные обстоятельства подсудимого или обстоятельства конкретного преступления¹⁷.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 26 декабря 2022 года государство-участник повторило свое предыдущее заявление о гарантиях, предоставленных предполагаемой жертве.

6.2 Государство-участник принимает к сведению утверждения автора по пунктам 1, 4 и 6 статьи 6 и статье 7 Пакта и вновь заявляет, что законодательство и нормативные акты государства-участника соответствуют его обязательствам по Пакту, обеспечивая, чтобы вынесение смертного приговора не носило произвольного характера. Оно подтверждает свою позицию в отношении неофициального моратория на смертную казнь, однако заявляет, что отмена смертной казни противоречит Конституции и принципам исламского шариата. Государство-участник утверждает, что с принятием Закона о доказательствах (Закон № 11/2022) действующая процедура рассмотрения дел, предусматривающих вынесение приговора к смертной казни, стала более строгой. В связи с этим, согласно статье 140 а) Закона, для вынесения обвинительного приговора и назначения смертной казни подсудимому вина должна быть установлена «вне всяких сомнений». Кроме того, в соответствии со статьей 140 с) Закона, факт совершения преступления должен быть доказан показаниями двух свидетелей-мужчин или признательными показаниями.

6.3 Что касается статей 7 и 14 Пакта, то государство-участник подтверждает свое заявление о том, что предполагаемой жертве было предоставлено право на юридическое представительство в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса. Государство-участник утверждает, что в ходе слушаний в Уголовном суде предполагаемая жертва не отказалась от своего признания в физическом нападении. Оно отмечает аргумент о том, что заявление предыдущего адвоката предполагаемой жертвы было приписано ей, но утверждает, что это заявление было расценено как действительное признание, поскольку ни предполагаемая жертва, ни ее второй адвокат не отказались от этого признания в ходе судебного разбирательства. Что касается утверждения о том, что предполагаемой жертве не было предоставлено достаточно времени для подготовки своей защиты, государство-участник заявляет, что ни она, ни его адвокат не подавали никаких жалоб по поводу предполагаемой нехватки времени для подготовки защиты. Оно отмечает, что решение о продлении этого времени принимается на индивидуальной основе, если обвиняемый или его адвокат представили разумные основания для этого.

¹⁵ Меры, гарантирующие защиту прав лиц, приговоренных к смертной казни, мера № 5.

¹⁶ Замечание общего порядка № 36 (2018), п. 47; и *Хумаам Ахмед против Мальдивских Островов* (CCPR/C/123/D/2785/2016), п. 9.9.

¹⁷ Замечание общего порядка № 36 (2018), п. 37.

Дополнительные комментарии автора

7.1 В своем представлении от 3 апреля 2023 года автор подчеркивает необходимость того, чтобы Комитет обратился с просьбой о смягчении приговора предполагаемой жертве, поскольку замечания государства-участника не дают никаких гарантий того, что приговор не будет приведен в исполнение. Он вновь заявляет, что не имеющая обязательной силы политика моратория на исполнение смертных приговоров является непостоянной, и утверждает, что позиция государства-участника подчеркивает ее неофициальность и не учитывает тот факт, что в 2016 и 2017 годах тогдашнее правительство неоднократно делало публичные заявления, свидетельствующие о возобновлении казней. Он утверждает, что в замечаниях государства-участника не содержится никакой информации об условиях, которыми руководствуется государство-участник при принятии решений по политике неофициального моратория, а также о том, как она проводится в жизнь государственными учреждениями. Он утверждает, что в отсутствие этой информации политика представляется полностью дискреционной и неофициальной, а потому постоянно подвергается риску отмены, в том числе из-за изменений в правительстве.

7.2 Автор оспаривает утверждение государства-участника о том, что с принятием Закона о доказательствах процедура рассмотрения дел, предусматривающих вынесение приговора к смертной казни, стала более строгой. Разбирательство в отношении предполагаемой жертвы началось до принятия этого закона, поэтому его актуальность для данного сообщения представляется ограниченной. Он утверждает, что в своих замечаниях государство-участник не рассмотрело претензии, выдвинутые в соответствии с пунктами 4 и 1 статьи 6, рассматриваемыми в совокупности со статьями 7 и 14 Пакта.

7.3 В заключение автор утверждает, что в своих замечаниях государство-участник не рассмотрело его утверждение о том, что в соответствии с Постановлением № 2014/R-33 наказание за умышленное убийство предусматривает обязательное вынесение смертного приговора.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

8.2 Согласно требованиям статьи 5 (пункт 2 а)) Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

8.3 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что все доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. В отсутствие каких-либо возражений со стороны государства-участника Комитет считает, что требования пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола были соблюдены.

8.4 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что права предполагаемой жертвы по статье 14, рассматриваемой в совокупности со статьей 7 Пакта, были нарушены, поскольку, по его утверждению, в ходе внутреннего разбирательства не были соблюдены процессуальные гарантии и поскольку предполагаемая жертва дала признательные показания в ходе полицейского расследования в обстоятельствах, которые могли быть равнозначны жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, а также его утверждение о том, что неофициальный мораторий на исполнение смертных приговоров в государстве-участнике заставляет предполагаемую жертву испытывать неопределенность и тревогу. Комитет отмечает, что автор не указал положения статьи 14, которые, по его утверждению, были нарушены, но принимает к сведению его утверждения о том, что: а) предполагаемая жертва не пользовалась помощью законного представителя во время допроса в полиции и полицейского расследования; б) показания, данные предполагаемой жертвой в ходе полицейского расследования,

в то время, когда ей не была предоставлена юридическая помощь, были приобщены к делу в качестве доказательства против нее, несмотря на то, что она отказалась от них в суде, заявив, что дала признательные показания под принуждением; с) показания, данные одним свидетелем в ходе полицейского расследования, также были приобщены к делу в качестве доказательства, несмотря на то, что в ходе судебного разбирательства он от них отказался; и d) предполагаемая жертва не имела достаточного времени для подготовки своей защиты.

8.5 Что касается утверждений автора о том, что предполагаемая жертва не имела достаточного времени для подготовки своей защиты, Комитет принимает к сведению информацию автора о том, что у адвоката было менее двух месяцев на подготовку к судебному разбирательству до второго слушания 8 марта 2010 года, и утверждение о том, что два месяца — это недостаточный срок для ознакомления с материалами дела и обеспечения эффективного юридического представительства в суде по делу, предполагающему приговор к смертной казни. Комитет также принимает к сведению информацию государства-участника о том, что ни предполагаемая жертва, ни ее адвокат не просили о переносе слушания, а также информацию о том, что решение о продлении срока принимается на индивидуальной основе, если в деле имеются разумные основания. С учетом этой информации Комитет считает, что автор не обосновал в достаточной степени свою жалобу по подпункту 3 b) статьи 14 для целей приемлемости по статье 2 Факультативного протокола.

8.6 Что касается утверждения автора о том, что показания, от которых отказалась свидетельница, не должны были приниматься в качестве доказательства по его делу, Комитет принимает к сведению информацию государства-участника о том, что суды учли несколько факторов при принятии во внимание этих показаний, включая то, что показания были записаны на видео, что отец свидетеля присутствовал при снятии показаний, что показания совпали с показаниями других свидетелей и что свидетельница прочитала показания до их подписания, как и ее отец. Комитет напоминает о своей правовой практике, согласно которой именно органам государств-участников надлежит производить оценку фактов и доказательств или же обеспечивать применение внутреннего законодательства в каком-либо конкретном деле, кроме как если может быть доказано, что такая оценка или применение явным образом носили произвольный характер или составили очевидную ошибку или отказ в правосудии или же если суд каким-либо другим образом нарушил свое обязательство в отношении независимости и беспристрастности¹⁸. В данном случае Комитет считает, что автор не представил никакой информации, подтверждающей, что принятие в качестве доказательства показаний свидетельницы против предполагаемой жертвы было явно произвольным или представляло собой явную ошибку или отказ в правосудии или что суд иным образом нарушил свое обязательство в отношении независимости и беспристрастности, и поэтому он считает эту жалобу неприемлемой за необоснованностью в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

8.7 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он не имел доступа к юридическому представительству в ходе полицейского расследования, а также его утверждение о том, что он дал признательные показания под принуждением, которые впоследствии были приняты в качестве доказательств против него национальными судами, несмотря на то, что он отказался от них в ходе судебного разбирательства, и он считает, что автор в достаточной степени обосновал эти утверждения по подпунктам 3 d) и g) статьи 14 для целей приемлемости¹⁹.

8.8 Что касается утверждений автора по статье 7 Пакта, то Комитет отмечает, что автор не представил никакой конкретной информации в связи со своими утверждениями по статье 7, в частности какой-либо конкретной информации о жестоком обращении или какой-либо конкретной информации об условиях

¹⁸ См., в частности, *Ридль-Риденштайн и др. против Германии* (CCPR/C/82/D/1188/2003), п. 7.3; *Аренц и др. против Германии* (CCPR/C/80/D/1138/2002), п. 8.6; и *Тян против Казахстана* (CCPR/C/119/D/2125/2011), п. 8.10. См. также замечание общего порядка Комитета № 32 (2007), п. 26.

¹⁹ См., например, *Хумаам Ахмед против Мальдивских Островов*, п. 8.7.

содержания в тюрьме, а также никакой конкретной информации, обосновывающей его утверждение о том, что заявления предыдущего правительства о возобновлении казней в государстве-участнике оказали такое психологическое воздействие, которое бы было равнозначно нарушению статьи 7 Пакта²⁰. Поэтому он считает эти утверждения недостаточно обоснованными и неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

8.9 Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что принятие предыдущим правительством государства-участника мер по возобновлению исполнения смертных приговоров равносильно нарушению его прав по пункту 6 статьи 6 Пакта. Однако, принимая во внимание замечания государства-участника относительно его позиции по мораторию на исполнение смертных приговоров, Комитет считает, что автор не смог обосновать это утверждение для целей приемлемости, и признает его неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

8.10 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что вынесение смертного приговора после судебного разбирательства, в ходе которого не были соблюдены процессуальные гарантии, представляет собой нарушение прав предполагаемой жертвы по пункту 1 статьи 6, рассматриваемой в совокупности со статьей 14 Пакта, а также его дальнейшие утверждения по пунктам 1 и 4 статьи 6 Пакта. Комитет считает, что автор достаточно обосновал эти утверждения для целей приемлемости сообщений. Соответственно, Комитет объявляет сообщение приемлемым в отношении утверждений по пункту 1 статьи 6, рассматриваемому отдельно и в сочетании со статьей 14, а также его дальнейших утверждений по статье 14, пункту 4 статьи 6 и по подпунктам 3 d) и g) статьи 14, и переходит к рассмотрению сообщения по существу.

Рассмотрение по существу

9.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Комитет принимает к сведению утверждения автора в соответствии со статьей 14 Пакта о наличии серьезной обеспокоенности по поводу справедливости судебного разбирательства и других процедур, в ходе которых были вынесены и подтверждены обвинительный приговор и смертный приговор предполагаемой жертве. Он отмечает его утверждение о том, что, несмотря на просьбу предполагаемой жертвы о предоставлении адвоката, она не воспользовалась помощью юридического представителя во время полицейского допроса, в ходе которого она дала признательные показания, от которых впоследствии отказалась на суде, а также его утверждение о том, что предполагаемая жертва подписала показания, не прочитав их внимательно, из-за страха. Он также принимает к сведению утверждение автора о том, что никакая информация в деле не свидетельствует о том, что национальные суды должным образом рассмотрели утверждение предполагаемой жертвы о том, что она дала признательные показания под принуждением, а также его аргумент о том, что заявление, сделанное адвокатом, впервые назначенным представлять предполагаемую жертву на слушаниях 20 декабря 2009 года и впоследствии немедленно вышедшим из дела, было использовано против предполагаемой жертвы, чтобы отклонить ее отказ от признательных показаний. Комитет также принимает к сведению аргумент о том, что принятие признательных показаний предполагаемой жертвы в качестве доказательства также противоречит статье 52 Конституции, которая прямо предусматривает, что никакое признание не может быть принято в качестве доказательства, если оно не сделано в суде обвиняемым, находящимся в здравом уме.

9.3 Комитет напоминает, что после подачи жалобы на жестокое обращение, например, психологическое давление с целью получения признательных показаний, государство-участник должно провести оперативное и беспристрастное

²⁰ Хумаам Ахмед против Мальдивских Островов, п. 8.6.

расследование²¹. Он также напоминает, что гарантию, предусмотренную подпунктом g) пункта 3 статьи 14 Пакта, следует понимать как отсутствие любого прямого или непрямого физического или неоправданного психологического давления со стороны следственных органов на обвиняемых, с тем чтобы добиться признания вины²². Комитет отмечает, что, несмотря на утверждения предполагаемой жертвы о том, что она дала признательные показания из-за страха, государство-участник не провело никакого расследования этих утверждений, а напротив, приписало ей заявление, сделанное предыдущим адвокатом предполагаемой жертвы, чтобы подтвердить ее признание по данному делу. В этой связи Комитет напоминает, что подпункт g) пункта 3 статьи 14 Пакта подразумевает, что, если обвиняемый выдвигает достоверные утверждения о том, что признательные показания были даны под принуждением, обвинение несет ответственность за установление того, что признательные показания были даны добровольно²³. Комитет приходит к выводу, что, не расследовав утверждение предполагаемой жертвы о том, что он дал признательные показания недобровольно и под принуждением, государство-участник нарушило его права по подпункту g) пункта 3 статьи 14 Пакта. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав предполагаемой жертвы по подпункту g) пункта 3 статьи 14 Пакта.

9.4 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что на этапе досудебного расследования предполагаемой жертве не была предоставлена эффективная и постоянная помощь адвоката в нарушение ее прав, предусмотренных подпунктом d) пункта 3 статьи 14. Комитет отмечает, что неоспоримым является тот факт, что предполагаемая жертва не была представлена адвокатом с момента ее задержания 10 марта 2009 года до начала уголовного процесса в декабре 2009 года, в том числе 8 апреля 2009 года, когда были записаны признательные показания. Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что предполагаемая жертва отказалась от права быть представленной адвокатом в течение этого периода. Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, в котором он заявил, что в тех случаях, когда речь может идти о смертной казни, нет необходимости доказывать, что обвиняемый должен пользоваться действенной помощью адвоката во всех стадиях судебного разбирательства²⁴. В этой связи Комитет принимает к сведению информацию автора о том, что в отчете по делу Уголовного суда зафиксировано, что до проведения допроса предполагаемая жертва просила о предоставлении адвоката, но в итоге 8 апреля 2009 года согласилась на допрос без присутствия адвоката. В этих обстоятельствах Комитет приходит к выводу, что представленные факты свидетельствуют о нарушении прав предполагаемой жертвы по подпункту d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

9.5 Комитет принимает к сведению утверждение автора о нарушении права предполагаемой жертвы на жизнь в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Пакта, поскольку он был приговорен к смертной казни после несправедливого судебного разбирательства. Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что полицейское расследование и судебные слушания по делу предполагаемой жертвы соответствовали внутреннему законодательству, международным стандартам и основным гарантиям, предусмотренным Пактом.

9.6 Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что смертная казнь не запрещена пунктом 2 статьи 6 Пакта, если она назначается за наиболее тяжкие преступления. Комитет напоминает, что термин «наиболее тяжкие преступления» следует толковать ограничительно и применять только к особо тяжким

²¹ См., например, *Аманклычев против Туркменистана* (CCPR/C/116/D/2078/2011), п. 7.2; *Хумаам Ахмед против Мальдивских Островов*, п. 9.3, и замечание общего порядка № 20 (1992) Комитета по правам человека о запрещении пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 14.

²² Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 41.

²³ *Хумаам Ахмед против Мальдивских Островов*, п. 9.3.

²⁴ Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 38.

преступлениям, связанным с умышленным убийством²⁵. В данном деле предполагаемая жертва была приговорена к смертной казни после признания виновной в убийстве, которое квалифицируется как наиболее тяжкое преступление. Однако Комитет также напоминает, что, для того чтобы смертная казнь могла быть назначена, должны быть соблюдены строгие требования справедливого судебного разбирательства, чтобы соответствовать статье 6 Пакта²⁶.

9.7 Комитет напоминает свою правовую практику, согласно которой вынесение смертного приговора по окончании судебного разбирательства, в котором не были соблюдены положения статьи 14 Пакта, представляет собой нарушение права на жизнь (статья 6 Пакта)²⁷. Комитет также напоминает, что в судебных разбирательствах, которые могут привести к назначению смертной казни, тщательное соблюдение гарантий справедливого судебного разбирательства является особенно важным²⁸. Кроме того, Комитет далее напоминает, что, если в ходе судебного процесса, приведшего к вынесению смертного приговора, имели место нарушения предусмотренных в статье 14 Пакта гарантий справедливого судебного разбирательства, такой приговор носит произвольный характер и является нарушением статьи 6 Пакта. Такие нарушения могут включать в себя использование принуждения к даче признательных показаний или отсутствие эффективного юридического представительства на всех стадиях уголовного процесса, включая допрос по уголовному делу²⁹. В свете выводов Комитета о нарушении подпунктов d) и g) пункта 3 статьи 14 Пакта Комитет приходит к выводу, что, приговорив предполагаемую жертву к смертной казни после судебного разбирательства, в котором были допущены процессуальные нарушения, государство-участник нарушило свои обязательства по пункту 1 статьи 6 Пакта.

9.8 Автор отмечает утверждение автора о том, что дополнительную озабоченность вызывает тот факт, что в соответствии с Постановлением № 2014/R-33 наказание за умышленное убийство предусматривает обязательное вынесение смертного приговора, что равнозначно нарушению пункта 1 статьи 6 Пакта. Он отмечает, что государство-участник не опровергло утверждение автора о том, что обязательным наказанием за убийство в соответствии с указанным постановлением является смертная казнь. Он также принимает к сведению аргумент автора о том, что действующий в государстве-участнике неофициальный мораторий на смертную казнь не гарантирует, что приговор не будет приведен в исполнение позднее. Комитет напоминает, что во всех случаях, связанных с применением смертной казни, суд, выносящий приговор, должен учитывать личные обстоятельства преступника, включая конкретные смягчающие обстоятельства, и конкретные обстоятельства преступления. Обязательные смертные приговоры, которые не оставляют национальным судам возможности по своему усмотрению определять, является ли правонарушение преступлением, караемым смертной казнью, и выносить ли смертный приговор в свете конкретных обстоятельств лица, совершившего преступление, носят таким образом произвольный характер³⁰. Существование фактического моратория на смертную казнь недостаточно для того, чтобы обязательный смертный приговор соответствовал положениям Пакта³¹. В отсутствие каких-либо дополнительных замечаний со стороны государства-участника в отношении утверждений автора по пункту 1 статьи 6 Комитет приходит к выводу, что обязательное назначение смертной

²⁵ Замечание общего порядка № 36 (2018), п. 35.

²⁶ Там же, п. 41.

²⁷ Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 59. См. также, например, *Леви против Ямайки* (CCPR/C/64/D/719/1996), п. 7.3; *Курбанов против Таджикистана* (CCPR/C/79/D/1096/2002), п. 7.7; *Шукурова против Таджикистана* (CCPR/C/86/D/1044/2002), п. 8.6; *Хорошенко против Российской Федерации* (CCPR/C/101/D/1304/2004), п. 9.11; *Гунан против Кыргызстана* (CCPR/C/102/D/1545/2007), п. 6.5; и *Грунов и Грунова против Беларуси* (CCPR/C/123/D/2375/2014-CCPR/C/123/D/2690/2015), п. 8.6.

²⁸ Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 59.

²⁹ Замечание общего порядка № 36 (2018), п. 41.

³⁰ Там же, п. 37.

³¹ *Джонсон против Ганы* (CCPR/C/110/D/2177/2012), п. 7.3; и *Вираванса против Шри-Ланки* (CCPR/C/95/D/1406/2005), п. 7.2.

казни в данном случае без какой-либо оценки личных обстоятельств предполагаемой жертвы и конкретных обстоятельств преступления является нарушением прав предполагаемой жертвы по пункту 1 статьи 6 Пакта.

9.9 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что отсутствие у предполагаемой жертвы возможности в соответствии с внутренним законодательством просить о помиловании или смягчении смертного приговора равносильно нарушению ее прав по пункту 4 статьи 6 Пакта.

9.10 Комитет принимает к сведению представленную сторонами информацию о том, что после вступления в силу Постановления № R-33/2014 и решения Высокого суда от 29 ноября 2015 года³² полномочия Президента по помилованию в случаях умышленного убийства были отменены и переданы семье жертвы. Комитет также принимает к сведению аргумент автора о том, что это новое постановление также ставит смягчение смертного приговора в зависимость от таких факторов, как социально-экономическое положение семьи осужденного, и таким образом от внешних по отношению к его/ее личным обстоятельствам или обстоятельствам преступления факторов. Комитет напоминает, что государства-участники обязаны в соответствии с пунктом 4 статьи 6 Пакта позволять лицам, приговоренным к смертной казни, ходатайствовать о помиловании или смягчении приговора, обеспечивать, чтобы амнистии, помилования и смягчения приговора предоставлялись им в соответствующих обстоятельствах, и обеспечивать, чтобы приговоры не приводились в исполнение до тех пор, пока ходатайства о помиловании или смягчении приговора не будут предметно рассмотрены и по ним не будут приняты окончательные решения согласно применимым процедурам³³. Ни одна категория осужденных не может быть а priori исключена из сферы охвата таких мер по смягчению наказания и что условия для достижения соответствующего результата не должны быть нереалистичными, излишне обременительными, носить дискриминационный характер или применяться произвольным образом³⁴. Комитет напоминает, что, хотя пункт 4 статьи 6 Пакта не предписывает конкретную процедуру осуществления права просить о помиловании или смягчении наказания, такие процедуры должны быть прописаны во внутреннем законодательстве, и они не должны предоставлять семьям жертв преступлений преимущественную роль при определении того, следует ли приводить в исполнение смертный приговор³⁵. Помимо этого, процедуры помилования или смягчения приговора должны предусматривать определенные важные гарантии, включая определенность в осуществлении процедур и применение существенных критериев, а также реализацию прав лиц, приговоренных к смертной казни, инициировать процедуры помилования или смягчения наказания и представлять обращения, касающиеся их личных и других соответствующих обстоятельств, заблаговременно получать информацию о том, когда будет рассмотрено ходатайство, и быть незамедлительно уведомленным об итогах этой процедуры³⁶. Принимая во внимание информацию о том, что действующее в государстве-участнике постановление не позволяет предполагаемой жертве инициировать процедуру помилования или смягчения наказания, а также тот факт, что решающая роль в определении того, будет ли смертный приговор приведен в исполнение, отводится семье жертвы, Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по пункту 4 статьи 6 Пакта.

10. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленная ему информация свидетельствует о нарушении государством-участником прав предполагаемой жертвы по пунктам 1 и 4 статьи 6, рассматриваемым отдельно и в совокупности с подпунктами d) и g) пункта 3 статьи 14 Пакта.

³² Решение № 2012/HC-DM-08 от 29 ноября 2015 года.

³³ Замечание общего порядка № 36 (2018), п. 47.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

11. Согласно пункту 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить предполагаемой жертве эффективное средство правовой защиты. Оно должно полностью возместить ущерб лицам, чьи права, гарантированные Пактом, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано незамедлительно принять меры для отмены обвинительного приговора и наказания предполагаемой жертве и немедленно назначить повторное рассмотрение ее дела, обеспечив при этом соблюдение всех гарантий справедливого судебного разбирательства в соответствии со своими обязательствами по статьям 6 и 14 Пакта, и предоставить предполагаемой жертве адекватную компенсацию. Государство-участник также обязано принять все необходимые меры для предотвращения подобных нарушений в будущем, в том числе путем обеспечения учета оценки личных обстоятельств подсудимого и конкретных обстоятельств преступления при вынесении приговора за убийство в соответствии с его обязательствами по пункту 1 статьи 6 Пакта, а также обеспечения того, чтобы все лица, приговоренные к смертной казни в государстве-участнике, могли воспользоваться своим правом на помилование или смягчение приговора, как это гарантировано пунктом 4 статьи 6 Пакта.

12. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта, и, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять им эффективное средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых им по выполнению Соображений Комитета. Государству-участнику также предлагается опубликовать настоящие соображения и широко распространить их на своем государственном языке.

Приложение

Совместное мнение членов Комитета Жозе Мануэла Сантуша Паиша, Карлоса Гомеса Мартинеса, Кобойи Чамджи Кпачи и Тэраи Кодзи (частично несогласное)

1. Мы согласны с выводом Комитета о нарушении прав предполагаемой жертвы по пунктам 1 и 4 статьи 6, рассматриваемым отдельно и в совокупности с подпунктом d) пункта 3 статьи 14 Пакта. Однако мы сожалеем, что не можем согласиться с нарушением подпункта g) пункта 3 статьи 14 Пакта.

2. Подпункт g) пункта 3 статьи 14 Пакта гласит:

Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства:

[...]

g) не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

Поэтому вопрос заключается в том, была ли предполагаемая жертва принуждена к даче показаний против самой себя или к признанию себя виновной.

3. В настоящем деле предполагаемая жертва была задержана в связи с убийством. В ходе полицейского расследования он дал полиции признательные показания (п. 2.1). Позднее он был признан Уголовным судом виновным по обвинению в «умышленном убийстве» и приговорен к смертной казни (п. 2.2). Предполагаемая жертва обжаловала решение в Высоком суде Мальдивских Островов, который оставил в силе обвинительный приговор и назначенное наказание в виде смертной казни. Это решение было оставлено в силе окончательным решением Верховного суда (п. 2.3).

4. Позже предполагаемая жертва отказалась от признательных показаний на суде, заявив, что подписала их, не прочтя внимательно, потому что испытывала страх. Однако эти признательные показания, как утверждается, были приняты во внимание судами и использованы для вынесения обвинительного приговора (пп. 2.4 и 3.4). Из такого состояния страха следует вывод, что показания, полученные в результате пыток или других видов жестокого обращения, должны быть исключены в качестве доказательств в уголовном процессе. Однако состояние страха значительно отличается от ситуации пытки, и последствия обеих ситуаций не должны быть одинаковыми.

5. Государство-участник отмечает, что предполагаемая жертва была задержана по подозрению в участии в драке между бандами. Во время драки он был замечен избивающим жертву убийства и метнувшим в спину жертвы оружие, похожее на нож, длиной около 6 дюймов, в результате чего тот скончался в больнице (п. 4.2). Подсудимый пользовался гарантиями надлежащей правовой процедуры во время судебного разбирательства, имел возможность опровергнуть обвинения, выдвинутые стороной обвинения, был представлен адвокатом на протяжении всего процесса и получил дополнительное время для подготовки своей защиты (пп. 4.3, 4.7, 4.11 и 6.3).

6. В ходе слушаний были заслушаны пять свидетелей, а также медицинский эксперт, подтвердивший причину смерти. В целях защиты свидетелей их показания были заслушаны в режиме прямой видеоконференции. Предполагаемая жертва и ее адвокат не возражали против этой меры. У защиты была возможность провести перекрестный допрос свидетелей, однако защита не задала им никаких вопросов. Что касается признательных показаний, которые предполагаемая жертва дала на стадии следствия, то ей сообщили о ее праве на адвоката во время следствия, но она отказалась от этого права и согласилась на допрос без присутствия адвоката. В своей оценке Суд установил, что показания свидетелей, а также показания предполагаемой жертвы в ходе полицейского расследования позволили установить, что смерть жертвы

убийства наступила в результате того, что предполагаемая жертва бросила в жертву убийства острый предмет, который нанес ей тяжелые повреждения, приведшие к смерти (пп. 4.4 и 4.11). Поэтому, по мнению государства-участника, неблагоприятные для предполагаемой жертвы выводы национальных судов стали результатом тщательного изучения представленных судам доказательств (п. 4.7).

7. Мы отмечаем, что суд, помимо показаний предполагаемой жертвы, также рассмотрел показания трех свидетелей, присутствовавших при инциденте, отчет медицинского освидетельствования жертвы и видеозаписи полицейских допросов. Мы также считаем обоснованными выводы Суда о том, что на допросе в ходе судебного разбирательства предполагаемая жертва заявила, что дала показания свободно, по собственному усмотрению, что видеозаписи допроса показывают, что она потратила значительное количество времени на чтение показаний, что предполагаемая жертва знала о судьбе жертвы убийства, когда давала показания в полиции, что показания предполагаемой жертвы совпали с показаниями свидетелей по фактам дела и что предполагаемая жертва не смогла представить разумные основания, почему она могла дать ложные показания в ходе расследования (п. 4.12).

8. Вопреки выводу большинства в настоящих Соображениях (п. 9.3), мы не находим оснований подозревать, что признательные показания предполагаемой жертвы были даны под принуждением, что влечет за собой обязанность государства-участника начать расследование таких утверждений. В противном случае порог для начала расследования был бы недостижим в случае большинства уголовных юрисдикций, поскольку утверждение о даче признательных показаний под принуждением является наиболее частой линией защиты обвиняемых в уголовном процессе. Кроме того, вызывает сомнения вопрос о том, опирались ли национальные суды при вынесении обвинительного приговора на показания предполагаемой жертвы и в какой степени. В любом случае, если бы эти показания были исключены как данные под принуждением, у суда оставались другие решающие доказательства, на которые можно было бы опереться при вынесении обвинительного приговора. В частности, в ходе слушаний в Уголовном суде предполагаемая жертва не отказалась от своего признания в физическом нападении (п. 6.3). Поэтому мы не пришли бы к выводу о нарушении подпункта g) пункта 3 статьи 14 Пакта в данном деле.